

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/22220836/32/1

И.А. Васильева

ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Актуальность представленного исследования связана с проблемой сохранения российской культурной идентичности, исторически проявлявшей себя в социокультурном опыте отношения человека к деньгам. Проблема заключается в том, что, несмотря на его фиксацию в исторических, литературных и философских источниках, содержание данного знания иллюстрируется достаточно противоречивыми примерами, хотя общеизвестно, что любая культурная традиция до эпохи постмодерна требовала восхождения к единому образцу. В связи с этим встает необходимость отрефлексировать эту норму, а именно – классический образец отношения к деньгам в российской культурной традиции в его обусловленности исторически сложившимися стилями мышления (мифологическим, религиозным, философским).

Ключевые слова: деньги, российская культурная традиция, рациональность, мышление, мифология, религия, философия, российская культура.

Традиционно в российской культурной традиции в отношении к деньгам легко заметить неэкономические мотивы. В качестве примера можно сослаться на «Скупого рыцаря» А. Пушкина, где обращение с ними выказывает жадность, граничащую с психологической патологией. В «Бесприданнице» А. Островского деньги становятся соучастниками трагедии. В пьесе «Бедность не порок» деньги участвуют в предмете торгового, что таковым быть не может, – в брачных сделках. В произведении Д. Фонвизина «Недоросль» красной нитью проходит мысль, что богат тот, кто «отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного...» (д. 4, явл. 2). У Н. Гоголя в повести «Вечер накануне Ивана Купала» золото – чистый металл, который не может идти к злому человеку, но при этом ценой добытого золота оказывается невинное дитя. А. Гончаров в «Обыкновенной истории» показывал, что в делах любых есть воля Божья и в денежных тоже. Особенно репрезентативным в плане русского отношения к деньгам можно считать произведение Достоевского «Преступление и наказание», где главный герой, убив казавшееся бы из-за денег старушку, мучается совершенным, так их и не забрав и не употребив в дело.

История России полна сюжетов, в которых обнаруживается неоднозначное отношение к деньгам. Жить на одно содержание от государства было неприлично. За это осуждали, например, А. Пушкина, ведь в общественных делах было принято участвовать «своими» деньгами. Нередкими были случаи пожертвования. Граф Н. Шереметев вкладывал свои деньги для организации

«странноприимного дома» и «оспенных домов», являющихся частью государственной политики того времени. В. Морозов отдавал деньги на постройку больниц. Граф Резанов – на снаряжение кораблей «Юнона» и «Авось» от имени России, половину расходов взял на себя. Однако не менее распространена была практика взяточничества, и отдавать денежные долги иной раз люди не стремились. Показательна история Ричарда Сутерланда (1779), английского купца, выступавшего частным заемщиком для российской знати, которая слишком часто отказывалась от своих денежных обязательств, что привело его к самоубийству: он повесился. Все эти примеры далеки от того, чтобы их объяснить чисто экономической рациональностью, но и в аксиологическом аспекте приведенные выше факты достаточно противоречивы.

В связи с этим закономерно задать вопрос, почему отношение к деньгам в российской культурной традиции было так далеко от их понимания только как экономического блага? Какова же норма, классический образец отношения к деньгам? Чтобы выявить российскую специфику интерпретации денег, мы проследим, как она формировалась через исторически сложившиеся формы мифологического, религиозного и философского мышления в том их виде, как они здесь присутствовали.

Мифологическое мышление начало оформлять отношение к деньгам в российской культуре задолго до появления христианства. Первоисточников, рассказывающих о бытии денег, в то время попросту не существовало. Но наличие денег зафиксировала советская археология, настаивая на том, что они появились задолго до судьбоносного для России акта: «Если исходить из имеющихся в распоряжении исследователей куфических монет, возникновение обмена между славянами Восточной Европы и народами юга-востока следовало бы отнести к середине VIII столетия» [1. С. 151]. Однако внешний обмен не определял развитие восточнославянского общества [2. С. 193].

Как отмечает М. Грамм [3], активно использовались не только привозное золото и серебро, но и «свои» деньги: льняные отрезы, платежные бирки (коладки), скот, различная движимая собственность (соль, молоко, гвозди, зерно, бусы и пр.). Существовала также система меховых денег [4. С. 23]. К деньгам люди стремились, на это однозначно указывает, например, славянская традиция выкупа невесты, где совершалась проверка на «денежность» жениха. Об этом стремлении говорят и другие многочисленные приметы хорошей жизни. К примеру, нельзя было свистеть, так как считается, что свист – это ветер, а ветер может унести из дома все, в том числе и деньги. Нельзя было выбрасывать хлеб, так как это приведет к бедности. Считалось, что богатство и деньги приносит народившийся месяц, а также прием гостей с радостью и почтением. Поэтому не случайны значения, которые в русском языке им придавались: «мошна» – сбережения; «калита» – деньги на жизнь и развлечения; «задел» – деньги на наследство детям.

Деньги не были связаны с личным накоплением, они реализовывали определенный общий для всех уровень материальных благ. Обыденное мышление оценивало итог жизни с позиции достижения необходимого жизненного уровня. Родителей чтили за оставленные материальные средства. По повзрелости, они продолжали жить и владеть имуществом, в том числе и деньгами, в своих домах, имели те же заботы, что и до смерти, т.е. существовали еще какое-то время, пока жив род. Считалось, что предки постоянно вступают в

непосредственный контакт с людьми с целью создания идеального бытия, сохранения «коловоращения жизни»: «Несовместимые на первый взгляд понятия „мертвый“ и „богатство“ сближались в языческом миропонимании через посредство такого звена, как „предки“, „деды“, – они умерли, прах их закопан в земле, но они помогают оставшимся в живых – к ним, заложившим фундамент хозяйственного благополучия потомков (расчистили пашню, построили дом, обжили уголья), постоянно обращаются с просьбами, к ним на кладбище приносят дары» [5. С. 243]. Такое отношение к деньгам было обусловлено славянской мифологией.

В языческой мифологии от богов зависело благополучие. К примеру, денег просили у Велеса. Нестор в «Повести временных лет» называл его «скотым богом», а так как славяне чаще всего расплачивались скотом, имеющим значение денег, то главным проявлением этого бога, по мнению А. Барковой [6. С. 266–278], следует считать денежное богатство. Брошенные в могилу монеты выступали посредником выкупа места в земле, чтобы хозяин подземного мира Велес не гнал умершего. Деньги были связаны с потусторонней жизнью, поэтому и ярмарки устраивались на погостах (от др.-рус. погостити – побывать в гостях). Хороший человек, почитающий предков, должен быть богат «жить-поживать, да добра наживать» и получить полцарства. Не случайно Садко был награжден подводным царем небывалым уловом рыбы за его внимание, почтение и игру на гусях. В целом всех «денежных людей» чтили, ведь деньги являлись знаком признания и расположения предков. Их покровитель Велес был единственным богом, которого не сожгли, а положили в реку Почайну; сжечь его не позволил даже переход к христианскому учению.

Очевидно, что с приходом христианства высказанная позиция В. Соловьева об оформившемся христианско-языческом компромиссе, феномене двоеверия, справедлива и для дальнейшего оформления российского отношения к деньгам. Христианство не обесценивало сформированное мифологическое отношение к деньгам как к неотъемлемому положительно оцениваемому атрибуту жизни, не противоречило взгляду на деньги как на блага, поданные богами, не допуская разночтения в данном вопросе. Функции ходатайства о деньгах в материальном мире были переняты христианскими святыми. О материальном благополучии, например, стали молиться святому Спиридону, иконе Божьей матери, но лишь за одной иконой – святителю Иоанну Милостивому – было закреплено покровительство деньгам. Христианские летописцы этим ограничили свое внимание к ним, в то время как в народном фольклоре появились причудливые переплетения языческих заговоров на приход денег с библейскими сюжетами, в которых Иисус и Мария помогают смертным деньгами (Иисуса Христа, надежа и опора, присно дева Мария, Иисова подпора, по небу шли, мешки с деньгами несли, мешки открылись, деньги свалились. Я, раба Божья (имярек), по низу шла, деньги собрала, домой понесла, свечки зажгла, своим раздала. Свечки, сгорайте, денежки, в доме прибывайте! Во веки веков! Аминь).

Языческое влияние проглядывается и в используемом и поныне православным христианством термине «пожертвования», которого не встречается в Библии. В ходатайстве о деньгах или иной милостыне перед Господом за умерших усматривается преемственность от славянского язычества: ведь

жертвы и требы приносились богам и предкам, чтобы сдвинуть ситуацию в сторону просителя. Помимо славянских воззрений, российское мышление дополнилось гнозисом (от. греч. – «знание») в христианской форме. По-видимому, можно считать, что единство язычества и христианства в плане рациональности мышления дополнилось пониманием существования запредельного. В славянском мировоззрении даже бессмертие мыслилось в категориях этого мира, через перерождение душ в своих предках, христианство же заговорило о существовании опыта, далёкого от материи. Согласно ему вещи тленны по отношению к божественной вечности, поэтому и смысл жизни человека уже не был связан с вещами и тем более с самой «безликой» вещью – деньгами.

Если так обстояло дело с пониманием бытия, то идея денег, как и всякое материальное, телесное, не являлась главным стремлением в жизни и лишалась общественной поддержки: неустроенность жизни и отсутствие денег не порицались, а их наличие не гарантировало почета и уважения в обществе. Об этом говорили и православные духовные течения. «Нестяжатели» во главе с преп. Нилом Сорским унаследовали византийскую традицию исихазма, при которой необходим уход от мирских забот и денег. Он запрещал членам ски-тов брать оброки и вести торговлю, отводя церкви роль пастыря и совести общества. «Стяжатели» во главе с преп. Иосифом Волоцким также отрицали личное имущество у служителей церкви, но при этом развивали идею социального служения, при котором деньги и хозяйство в целом необходимы церкви, чтобы поддержать нуждающихся.

Отныне российское рацию не существовало вне тайны Христовой. Православное христианство заговорило о чистом, духовном, мистическом опыте, который открывается человеку с рождением и смертью. В мышлении помимо механической причинности появилась мистическая компонента: «Мистика есть преодоление тварности» [7. С. 327]. Христианство освобождает разум от закона: «Мистический опыт есть выход из категорий мира, выход из всякой объективации, выход из всего, к чему применимо понятие» [Там же. С. 334]. Христианская мистика преодолела пралогическое, находящееся «во власти каузальной связи и детерминации» [Там же. С. 347] языческое сознание. И неслучайно, отныне понятие истины перестало быть на Руси связанным с обыденностью, требующей расчета, а мыслилось как понятие правды.

Денежная целесообразность подменялась ее целесообразностью. Объективность правды заключалась в едином для всех законе Божьем, а путь его достижения у каждого мыслился своим, поэтому проступки не осуждались, а воспринимались как индивидуальный своеобразный путь постижения абсолютного бытия. Он заключался в требовании целостности чувственной и разумной природы человека, в том, чтобы любой ценой не делать нечистых поступков (мысль в православии приравнивается к ним) и любить ближнего своего. Закон Божий был желаем в качестве основы жизни. Просят не по делам судить, а по милости Божьей, суд не по правде и справедливости, а по Божьей благодати. Просят «бывшее сделать как не бывшим». С помощью нее преодолевалась предметность и обозначалась главная цель человеческого существования: «...и явлю ему спасение Мое» (псалтырь, псалом 90).

Рациональный стиль мышления пришел в российскую культуру в XIX в. Только начиная с этого момента можно говорить о существовании двой-

ственности мировоззренческой позиции в отношении денег. Совершенно иной взгляд на деньги Россия стала осваивать в XIX в. с приходом капитализма, имеющего в своей основе классическую западноевропейскую научную рациональность. О нем С. Булгаков говорил так: «В экономическом материализме говорит суровая жизненная честность, он отдает свое внимание значению нужды, заботы о куске насущного хлеба, которая тяготеет над большинством человечества» [8. С. 20], «экономический материализм слишком сильно пахнет рабочим потом и фабричным дымом» [Там же. С. 793].

И действительно, в российском мышлении не произошло неприятия методов жесткой научной рациональности, ведь достаток приносили все те же объективно существующие методы хозяйствования. Активно стали осваиваться экономические закономерности: «...нельзя не упомянуть о модном увлечении хозяйством. Даже богатые люди, не привыкшие считать свои расходы, следовали этой моде и сами отправлялись один раз в неделю для закупки всего необходимого» (цит. по: [9. С. 66]). Но наряду с этим появился новый тип людей – «человек-гривенник», «человек-рубль», осуждаемых обществом, так как такие люди умели говорить только о «расходах и улыбаться только дешевизне» [10. С. 233]. С. Булгаков говорил, что человек, «который не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками; это счетная линейка, с математической правильностью реагирующая на внешний механизм распределения и производства, который управляется своими собственными железными законами» [11. С. 343].

Негативный оттенок чувствуется и в замечаниях мемуариста Э. Стогова: «Софья Сергеевна однажды меня удивила, когда, разговаривая наедине со мной, она до самой подробности означила базарную цену всякой безделицы: говядины, крупы, муки, сала, яиц и даже цену соли» (цит. по: [9. С. 67]). Русский язык запечатлел смысл такого пренебрежительного высказывания значением слова «мелочность», что означает излишнее сведение всего к звонкой монете, что считалось неприличным. В основном трагедии, описанные Ф. Достоевским, были связаны с отношением к деньгам, трактуемым на новый лад: зачем нужно душевное самосовершенствование, если с большим количеством денег к тебе будут относиться как к лучшему человеку (роман «Подросток»). Выключение «человеческого» в мышлении стали связывать с людскими пороками. Деньги стали восприниматься Россией не исходя из хозяйственного опыта, а вульгарно христиански как воплощенное зло. Считалось, что если привязаться к деньгам и хозяйству, то стоит навсегда оставить мысль и попытку встречи с Богом.

Данную мысль поддерживали славянофилы (А. Хомяков, К. Аксаков, В. Киреевский, В. Черкасский), придерживаясь традиционного отношения к деньгам, транслировавшегося православной церковью. Несколько иное отношение к деньгам транслировали западники (П. Чаадаев, И. Тургенев, В. Соловьев, В. Белинский, А. Герцен), за что их обвиняли в «новом христианстве». Они выражали прогрессивный взгляд о всеобщей гармонии, которая достигается не только христианизацией человечества, но и разумным материальным прогрессом. Они считали, что в России необходимо развивать банковский опыт и торговлю, промышленность и медицину, строить железные дороги. В силу этого Россия должна двигаться по пути, пройденному запад-

ной цивилизацией, при этом не отказываясь от своих традиционных взглядов на деньги. В итоге, как мне кажется, философы, относящие себя казалось бы к разным теоретическим направлениям общественной мысли, славянофилы и западники, по сути, отличались лишь тем, что западники допускали экономические денежные отношения, пытаясь адаптировать их к исконной российской интерпретации денег. Через их взгляды обнаруживала себя традиция, отличающая Россию от Запада.

Россия увидела в экономической рациональности новый инструмент для решения прежних мировоззренческих вопросов. Их влияние на хозяйственную жизнь признано и современными исследователями: «Кто бы он ни был, мужик или интеллигент, он всегда носил в себе потребность отвлеченного мышления, и сообразно уровню своего духовного или умственного развития, сообразно своей одаренности природой, стремится, помимо своего материального места в материальном мире, отыскать еще точку опоры и для своей внутренней личности» [12]. Российский разум требовал исповедовать Божий закон прежде всего, но для этого он не призывал уничтожать банковскую систему и другие достижения экономической мысли. Общеизвестно, что российское предпринимательство в XIX в. успешно осваивало мировые рынки, но при этом было принято зарабатывать деньги по потребностям дела и необходимым личным нуждам, а остальное употреблять «во славу божью». Неудивительно, что русское купечество тратило деньги на пожертвования народному просвещению, на содержание и строительство церквей, театров, и, по замечаниям В. Белова, купцы намеренно тормозили дело, считая грехом увеличение денежного оборота [13. С. 50].

Эта же мысль была раскрыта, по мнению автора, философско-религиозным мышлением. В этой связи достаточно вспомнить слова Б. Вышеславцева: «...существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения» [14. С. 154]. Русская философия, являясь его воплощением, интересовалась прежде всего восхождением к абсолютному, божественному, запредельному, находящемуся за эмпирическим миром началу. Чувственное никогда не мыслилось низшим уровнем бытия, оно мыслилось как проводник «божественного логоса», заставляющего руководствоваться умом вне отрыва от сердца. Запредельное заговорило о смысле спасения души, оставляя в стороне точный денежный расчет. По мнению Б. Вышеславцева, только сердце оказывалось способным признать земное несовершенство и относиться к нему со снисхождением [Там же. С. 327]. В нем – нежелание логических выводов, попытка избавиться от закона и превзойти механическую причинность через любовь, являющуюся в российской культуре не инстинктом, а атрибутом разума. Как отмечает И. Ильин [15. С. 55], христианство сосредоточило внимание человечества на внутренней жизни. И здесь деньги выступали прежде всего инструментом совершенствования души.

Для этого мышлению требовалась не рационализация, а согласованность с неизреченными интуициями души. Данный строй мысли, ориентированный на универсальный, запредельный логос мира, был концептуализирован как русский идеализм. При этом профанации мышления на западноевропейский манер не произошло. Православный разум был проникнут идеей ограниченности картезианского логоса в способности постижения мира, ведь в «чи-

стом» знании невозможно отразить всю полноту жизни. Закрепляя подлинное существование человека за пределами любого эмпирического опыта, он не диктовал отказаться от денег, скорее, терял к ним всякий интерес.

Православный разум говорит о существовании чувства, мистического созерцания, творческой интуиции. Все это можно отнести к рациональным антропологическим процессам, которые носят преходящий характер. Православный разум признает действие иррациональных сил, действующих в мире. Сущностные связи мира разламываются с приходом высшей воли, к которой нельзя приблизиться ни аскетизмом, ни «добрыми делами», ни молитвой. Российское радио видело в закреплении мысли о детерминизме гибель мира. За предопределенностью, конечной непреображенной тварностью стоит невозможность отдельного человека преодолеть пределы материального бытия, поэтому считалось, что чем лучше эмпирический мир подчиняется человеку, тем меньше у него возможности обрести бытие идеальное. Это подтверждалось жизненной практикой, и принцип «выключения сердца», свойственный классическому экономическому радио с целью наращивания капитала, не принимался, ибо он уводил от этих идей. К примеру, возврат денег с избытком не был приемлем не только в христианстве, но и многовековом славянском укладе.

Старая система ценностей сохраняла в России жизнеспособность и силу, подкрепляясь православием. Деньги не служили буржуазному накоплению, не были «деньгами ради денег», но при этом «нищий» не означало «богоугодный», считалось, что бедность и зависть к деньгам другого развращает не меньше. Деньги рассматривались как инструмент испытания и направления воли. Труд не служил накопительству, а существовал для очищения души и тела. Полагали, что любое материальное начало подчинялось высшему духовному первоначалу, его совершенной природе. В силу этого любая экономическая деятельность «должна быть регулируема высшими, сверхэкономическими мотивами» [8. С. 747]. А это зачастую шло вразрез денежной выгоде, поэтому митрополит А. Введенский еще век назад признавал, что «...тем, кто хочет безусловно коммерчески хорошо прожить жизнь, с нами не по дороге» [16. С. 300].

Рационализации отношения к деньгам на западный манер не произошло, потому что православный разум иначе, не на основах строгой и упрощающей мир до рациональной схемы, смотрел на жизнь. Согласно ему, жить одним расчетом нельзя, поэтому, несмотря на произошедшее логическое оформление российской философской мысли и сходность логических процедур мышления с западноевропейской философией, она с подозрением относилась к западной научно-рационализированной культуре.

Рационализацию не оживили ни марксистско-ленинская философия, провозглашающая материальное равенство, ни пришедшее революционное движение: «В России „дух капитализма“ задержался. Его не могли активировать ни обе (1905 и 1917 гг.) буржуазно-демократические, ни социалистическая Октябрьская революции» [17. С. 187]. Коренным образом мирознание людей не изменилось, марксизм стал не таким, как на Западе. Марксистско-ленинская философия не сформировала нового отношения к деньгам, а воспроизводила имеющийся образец на свой лад, продолжая опираться в своем развитии на православный разум. Моральный кодекс «строителя коммуниз-

ма» был списан с Евангелия», оставаясь ориентированным на традиционные российские ценности, среди которых справедливость, равенство, мессианство [18].

Соборность продолжает существовать, меняя свое название на коллективизм. Жертвенность и подвиги, следование без видимой выгоды через голод, нищету, болезни не сломили преданности давно существующей христианской идее построения идеального общества. В тесной связи с православным разумом деньги продолжали функционировать и в советское время. Оно не допустило альтернативного отношения к деньгам, видимо, в силу того, что вопросами хозяйства занимались сами руководители страны (Сталин, Хрущев и др.). Преодоление бедности и неустroенности, «неуютности» жизни оправдывалось желанием причастности всех к будущему идеальному бытию. Движению к нему должен был способствовать уравнительный подход, «русские отстаивали его как завоевание социализма, одергивая тех, кто „не шел в ногу с массой“, стремился к личному успеху» [19. С. 104].

На отношение к деньгам идеализм российского мышления наложил свой отпечаток. С этой теоретической позиции они продолжали существовать на советский лад. За деньгами окончательно закрепился статус капиталистического зла, о чем свидетельствуют многочисленные комиксы о буржуазии и показательная идея спасения мира от «загнивающего» Запада. Существовало мнение, что при бестоварном социализме деньги не потребуются, они отомрут, когда люди соединятся друг с другом в натуральных хозяйственных связях при отсутствии частной собственности на средства производства. Деньги воспринимались как пережиток капитализма. Однако, как отметил А. Зиновьев, «даже во время войны, когда жизнь страны была предельно упрощена, деньги сохраняли какое-то значение» [20. С. 347]. И это несмотря на то, что идеология социалистического общества изначально отказывала им в бытии.

Существовавший принцип равенства объективно не мог воспитывать стремления к увеличению материального потребления. Идеология, конечно, была направлена против денег, о чем говорят ее тезисы, направленные на то, чтобы «не приучать детей к деньгам». Безусловно, можно говорить о политических и идеологических спекуляциях на таком понимании денег в советский период, но и они были взяты из российского менталитета. Советская культура декларировала свободное общество без денег – коммунизм.

На деле же оказалось, что невозможно отказаться от экономических категорий, таких как учет прибыли, рента, зарплата и деньги. Имели хождение талоны, совзнаки, продуктовые карточки, трудодни, облигации общественного займа, водка, сигареты. Вместо мелочи в магазинах сдавали сдачу английскими булавками, спичками. За подневольный труд государство рассчитывалось суррогатами государственных денег под странными названиями «расчётный чек», «расчётная квитанция». В этом многообразии легко угадывались обычные деньги. Принципиально отличная от рыночной, плановая экономика не смогла отказаться от них, но по-прежнему отводила им подчиненное место и специфическую реализацию в социуме: советская идея общественного блага переняла от сформулированной русской религиозной философией мысли о преображении (преобразовании) всего тварного мира.

Достижению этой задачи подчинялись все хозяйственные устремления, а вместе с ними и деньги.

Таким образом, распространено мнение, что российская культурная традиция не имела способности к систематическому расчету в денежных вопросах и будто российский опыт хозяйствования не требовал вычисления. Однако классическая рациональная денежная калькуляция в российской культуре была востребована не меньше, чем в западноевропейской. Она существовала повсеместно в требовании бережливости и расчетливости в торговых делах, ведь в традиционных российских ярмарках участвовало все население. России также не были чужды так называемые «протестантские добродетели», среди которых – культ денежной рачительности, бережливости, хозяйственной самостоятельности, заботы о репутации семьи в вопросах возврата долгов. Умственная трезвость и ясность, свойственные классической рациональности, существовали и, хотя и не всегда, но в денежных вопросах применялись.

И все же отношение к деньгам существовало в системе своих самобытных ценностных координат. Они никогда до конца не были ориентированы на экономическую рациональность («Не дороже денег» «Денег много да разума мало»). В них продолжали существовать такие понятия, как вера, мессианство, любовь, совесть, жертвенность, при этом они не вносили в них логической неясности, размытости. Российская культурная традиция допустила экзистенциальные характеристики в отношении к деньгам, такие как жертвенность; помощь ближнему; нестяжательство в ведении хозяйства, невозможность брать «пыхву» при одалживании денег или продаже; справедливость при распределении денег; готовность ограничить свои денежные потребности ради близкого человека. Они интегрировались с открытыми западноевропейской культурой рациональными закономерностями движения денег. Но в этом универсальном для всех культурном движении денег они традиционно сначала становились не предметом научного экономического анализа, а сопрягались с иррациональным мышлением. Данное отношение к деньгам было сформулировано нашим народом, с особой серьезностью воспринявшим слова Христа про «верблюда и игольное ушко» и древнюю притчу о счастливец без рубахи (известна в пересказе Л. Толстого), обоснованно высказывая мнение о том, что «деньги человека портят». Наверное, здесь следует сделать паузу и осознать, что классическое российское отношение к деньгам отличается от западноевропейского.

Литература

1. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л. : Наука, 1968. 184 с.
2. Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство : Античность. Византия. Древняя Русь. Л. : Лениздат, 1988. 334 с.
3. Грамм М.И. История цивилизации в зеркале мер, единиц и денег : Занимательная энциклопедия с интернет-адресами. Челябинск : Аркаим, 2004. 344 с.
4. Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М. : Языки славянских культур, 2009. 416 с.
5. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М. : Наука, 1987. 784 с.
6. Баркова А.Л. Верования древних славян // Энциклопедия для детей : Религии мира. М., 1996. Т. 1. С. 266–278.
7. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2006. 679 с.

8. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М. : Астрель, 2007. 988 с.
9. Лаврентьева Е.В. Культура застолья XIX века : Пушкинская пора. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. 320 с.
10. Чехов А.П. Рассказы. Повести. Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1985. 512 с.
11. Булгаков С.Н. Соч. : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. 752 с.
12. Курдюмов М. Православие и большевизм [Электронный ресурс] // Путь. 1930. № 22. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.odinblago.ru/path/22/4> (дата обращения: 01.07.2017).
13. Белов В.И. Избранные произведения : в 3 т. М. : Современник, 1984. Т. 3 : Лад : Очерки о народной эстетике; Пьесы. 478 с.
14. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М. : Республика, 1994. 368 с.
15. Ильин И.А. Философия и жизнь // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов : Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 43–60.
16. Дистут А.В. Луначарского с митрополитом А.И. Введенским 21 сентября 1925 г. // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов : Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 290–319.
17. Ложникова А.В., Петрова Г.И. Деньги с богом или бог с деньгами? (О русской национальной идее и ее денежной «составляющей» // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология. 2005. № 287. С. 186–191.
18. Патриарх Кирилл. Утрата понятия жертвенности угрожает самому существованию человеческого общества [Электронный ресурс] // Русская православная церковь: официальный сайт Московского патриарха. Электрон. дан. [Б. м.], 2005–2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653015.html> (дата обращения: 02.02.2012).
19. Кеэрбин Б.Ф., Тарасов А.А. Развитие капитализма, философии и этики буржуа: историко-культурологический аспект : учеб пособие: [в 2 кн.]. Саранск : Саран. кооп. ин-т МУПК, 2006. История предпринимательства и капиталистических отношений в России. 552 с.
20. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М. : Центрполиграф, 1994. 495 с.

Irina A. Vasilyeva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: iv10061982@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 5–15.

DOI: 10.17223/22220836/32/1

MONEY PERCEPTION IN RUSSIAN CULTURE

Keywords: money; Russian cultural tradition; rationality; thinking; mythology; religion; philosophy; Russian culture.

It is widely believed that the Russian thinking had no ability to systematically calculate money. Classical rational money calculation in Russian culture was demanded nothing less than in European culture, but in money matters are not always applied. The reason was the special type of thinking. Its formation began in the Slavic paganism, gradually mix with Christian tradition. Unity of paganism and Christianity brought the understanding of the transcendental existence. In addition to thinking of causality appeared mystical component. Since that time the Russian culture had never existed outside of the mystery of Christ. The money became a tool for the improvement of the soul. For this thinking not needed rationalization but needed soul expression.

A completely different look at money became with the capitalism that had its core in scientific rationality. It was in used in Russia, but people saw in scientific rationality a new tool for solving the previous philosophical issue, which is not called to destroy the banking system and other achievements of economic thought. Profanation of thinking did not happened. Money didn't go on the path of purification from the sensual. Certainly, we can talk about political and ideological speculation on steady understanding of money perception during the Soviet period. The Soviet idea public good took part from articulated Russian religious philosophy. All this happened because the Russian mind looked at life differently, not on the basis of strict rational scheme. In close connection with it money perception continued to function.

References

1. Lyapushkin, I.I. (1968) *Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [Slavs of Eastern Europe on the eve of the Old Russian State formation]. Leningrad: Nauka, 1968. 184 s.

2. Kurbatov, G.L., Frolov, E.D. & Froyanov, I.Ya. (1988) *Khristianstvo: Antichnost'. Vizantiya. Drevnyaya Rus'* [Christianity: Ancient Times. Byzantium. Ancient Russia]. Leningrad: Lenizdat.
3. Gramm, M.I. (2004) *Istoriya tsivilizatsii v zerkale mer, edinits i deneg: Zanimatel'naya entsiklopediya s internet-adresami* [The history of civilization in the mirror of measures, units and money: An entertaining encyclopedia with Internet addresses]. Chelyabinsk: Arkaim.
4. Yanin, V.L. (2009) *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnogo sistema srednevekovogo Novgoroda* [Monetary and weight systems of pre-Mongol Russia and essays on the history of the monetary system of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
5. Rybakov, B.A. (1987) *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of Old Rus]. Moscow: Nauka.
6. Barkova, A.L. (1996) Verovaniya drevnikh slavyan [Beliefs of the Ancient Slavs]. In: Aksenova, M. (ed.) *Entsiklopediya dlya detey: Religii mira* [Encyclopedia for Children: World Religions]. Vol. 1. Moscow: Avanta+. pp. 266–278.
7. Berdyaev, N.A. (2006) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST : Kharkov: Folio.
8. Bulgakov, S.N. (2007) *Istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh ucheniy* [History of Economic and Social Studies]. Moscow: Astrel'.
9. Lavrentieva, E.V. (1999) *Kul'tura zastol'ya XIX veka: Pushkinskaya pora* [Culture of the 19th-century feast: Pushkin's Time]. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
10. Chekhov, A.P. (1985) *Rasskazy. Povesti* [Short Stories. Novellas]. Kemerovo: Kemerovskoe knozhnoe izdatel'stvo.
11. Bulgakov, S.N. (1993) *Sochineniya v 2-kh tt.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
12. Kurdyumov, M. (1930) Pravoslaviye i bol'shevizm [Orthodoxy and Bolshevism]. *Put'*. 22. [Online] Available from: <http://www.odinblago.ru/path/22/4>. (Accessed: 1st July 2017).
13. Belov, V.I. (1984) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Sovremennik.
14. Vysheslavtsev, B.P. (1994) *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of the Transformed Eros]. Moscow: Respublika.
15. Ilin, I.A. (1990) *Filosofiya i zhizn'* [Philosophy and life]. In: Alekseev, P.V. (ed.) *Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie* [At the Turn. Philosophical Discussions of the 1920s: Philosophy and Worldview]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 43–60.
16. Lunacharsky, A.V. & Vvedensky, A.I. (1990) Disput A.V. Lunacharskogo s mitropolitom A.I. Vvedenskim 21 sentyabrya 1925 g. [Dispute between A.V. Lunacharsky and Metropolitan A.I. Vvedensky on September 21, 1925]. In: Alekseev, P.V. (ed.) *Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie* [At the Turn. Philosophical Discussions of the 1920s: Philosophy and Worldview]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 290–319.
17. Lozhnikova, A.V. & Petrova, G.I. (2005) Den'gi s bogom ili bog s den'gami? (O russkoy natsional'noy idee i ee denezhnoy "sostavlyayushchey") [Money with God or God with money? (On the Russian national idea and its monetary "component")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 287. pp. 186–191.
18. Patriarch Kirill. (n.d.) *Utrata ponyatiya zhertvennosti ugrozhayet samomu sushchestvovaniyu chelovecheskogo obshchestva* [The lost concept of sacrifice threatens the very existence of human society]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653015.html>. (Accessed: 2nd February 2012).
19. Kevrbin, B.F. & Tarasov, A.A. (2006) *Razvitie kapitalizma, filosofii i etiki burzhua: istoriko-kul'turologicheskiy aspekt* [The Development of Bourgeois Capitalism, Philosophy and Ethics: Historical and Cultural Aspect]. Saransk: MUPK.
20. Zinoviev, A.A. (1994) *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as a Reality]. Moscow: Tsentrpoligraf.